Автор: Есельсон С. (Россия)

С весны 1999 года в Ростове-на-Дону начало действовать учебное заведение повышения квалификации медиков и гуманитариев в области практики экзистенциализма.

Философски за Институтом стояли Хайдеггерианский экзистенциализм и русская религиозная философия. Практически — опыт философствования в лечебной практике Александра Ефимовича Алексейчика, его вопрос — если жизнь калечит и жизнь же и лечит, то возможно ли организовать такую жизнь, которая бы оказалась лечебной, и лечебной не за двадцать-тридцать лет, а за секунды, минуты, часы, дни, недели, в крайнем случае — месяцы? Создавая Институт, мы сознавали себя учениками А. Алексейчика и были полны решимости перевести полученный за годы участия в его семинарах опыт в учебную форму и распространять на юге России.

По замыслу, организационно у Института был прототип — Институт гуманистической и экзистенциальной психологии в Литве (директор проф. Римас Кочюнас), основанный также учениками и последователями А. Алексейчика.

Но очень быстро стало ясно, что повторить в наших условиях литовский путь невозможно. Если в Литве в Институт в качестве слушателей поступали специалисты, имеющие за плечами большой опыт работы в группах, то у нас таких насчитывались единицы. Если в Литве в Институт в качестве слушателей поступали, в основном, профессионалы, медики и психологи, прошедшие уже через освоение множества психотерапевтических методик и техник, стремящиеся освоить экзистенциальную терапию как метод для своей профессиональной деятельности, — то у нас в Институт устремились люди, ищущие своего места в жизни, надеющиеся, что Институт поможет им выйти из кризиса самоопределения. С некоторой долей условности, но все-таки можно сказать, что в Институт, в основном, пошли люди, переживающие кризис середины жизни.

Таким образом первоначальный замысел очень скоро стал и невозможен к воплощению и неважен.

А что оказалось в результате значимым?

Оказалось значимым, что те, кто приходят в Институт в поисках своего места в жизни, обретают и смысл в образовательном процессе и, в конечном счете, то, за чем приходят.

Оказалось значимым, что такой мотив как профессиональный рост совершенно недостаточен для образования в институте, стоящем на позициях экзистенциализма. Образовывается, обретает свой образ и просвещается не тот, кто учится, а тот, кто живет открыто в Институтских группах, кто перерабатывает опыт жизни, своей и чужой,

у кого итог пребывания в Институте — не освоение методов, не набор знаний об экзистенциальной филосо-фии, психологии и терапии, а, скорее жизненная широта, мудрость.

Оказалось значимым, что те, кто приходил в Институт группами — расходились поодиночке. Когда-то меня поразила найденная в культуроло-гической литературе мысль-призыв, обратить пристальное внимание на то место в «Новом Завете», где к Иисусу толпа приводит женщину, пойманную на прелюбодеянии, с вопросом, побить ли ее камнями, как того требует Закон. Так вот исследователь обратил внимание на то, что после известного ответа Христа «кто без греха — пускай первым бросит в нее камень» сказано было, что люди разошлись поодиночке. Пришли толпой, а разошлись поодиночке.

Вообще с мотивами поступления выходила совсем даосская история (если вспомнить сказ о том, как Конфуций пришел к Лао Цзы с вопросом о том, как сделать людей высоконравственными, и получил ответ о том, что сам вопрос такой мог появиться лишь у глубоко безнравственной натуры). Если мотив был — «научиться воспитывать ребенка», то выяснялось, что ребенок точно не стоял, не стоит и неизвестно, будет ли когда стоять в повестке дня жизни этого слушателя, если заявлялся такой экзотический мотив: «как быть с девочками» (имеется ввиду целая группа знакомых между собой людей, поступивших в Институт при первом наборе), то ключевым вопросом оказался вопрос разрыва с этими самыми девочками, если чело-век, прочтя И. Ялома, по его словам, «почувствовал, что это точно мое», то пребывание в Институте демонстрировало со всей очевидностью, что не было ни единой фибры его души, которая хоть как-то бы отозвалась на эк-зистенциализм, и т.п.

Оказалось значимым, что сессии в Институте — два раза в год, и никаких обязательных общих занятий между сессиями нет, никаких обязательных встреч, никакого общего присутствия. Институт, таким образом, сопро-вождает жизнь слушателей, а не заменяет собой ее. Вообще значимыми оказались свобода и воздержание — свобода от учебной группы, свобода ухода и возвращения, воздержание от установления двойных отношений. Уход из Института представлялся делом важным и полезным, часто он был связан с принятием тех или иных жизненно важных решений. Возвращения в Институт являлись актами значительно более осмысленными, чем поступления.

Тема самоограничения для руководства Института, воздержания от двойных отношений оказалась существенной для организации его сущест-вования. На первых порах мы пытались презреть эти принципы, например, пошли в какой-то момент навстречу желанию матери и дочери учиться вме-сте — это закончилось болезненным, непродуктивным уходом сначала одной, потом — другой. Также плачевно заканчивалось дело каждый раз, ко-гда мы уступали просьбам слушателей о терапевтической работе с их род-ственниками, по-видимому, ввиду неизбежности втягивания терапевта в контекст отношений между клиентами и их родственниками — слушателя-ми и слушателей — в контекст отношений между клиентом, их родственником, и терапевтом. Двойных отношений не возникало только в ситуациях, когда и терапевт и клиент были верующими православными христианами и терапия совершалась по благословлению — тогда издержки совмещения в одном лице преподавателей, терапевтов, и администраторов

преодолева-лись за счет особого смыслового накала проходящих встреч. Кстати, аналогичный эффект можно наблюдать и на группах А.Е. Алексейчика, так же за счет возникновения невероятно высокого смыслового накала, придающего происходящему притчевый, эпический характер.

Таким образом, для нас значимым оказалось всячески избегать того, чтобы превращать руководство Института в руководство по жизни, в Отцов, в Учителей. Слушатели предоставлены сами себе, претерпевают свою жизнь сами, свои жизненные сложности обсуждают с терапевтами, неясности по преподаваемым предметам обсуждают с преподавателями, на терапевтических группах живут интенсивной терапевтической жизнью, свои вопросы по организации учебного процесса решают с администрацией. Никакого совмещения. Самозапрет администрации Института на проведение терапевтических групп и индивидуальную терапию со слушателями.

Помнится, когда мы слышали доклад о существовании одной уважае-мой зарубежной экзистенциальной терапевтической школы, в котором речь шла о том, что слушатели встречаются еженедельно и в течение трех лет никто из них не покинул учебную группу, то исполнились гордостью за то, что люди у нас встречаются друг с другом, когда хотят, где хотят и в каком хотят составе или вовсе не встречаются между сессиями, за то, что они сво-бодно уходят из Института, и мы рады их уходу, и свободно возвращаются, и мы вдвойне рады их возвращению.

Базовый курс в Институте сложился неспешный — четыре года, в те-чение них восемь сессий. Между сессиями — логанализ, чтение книг, напи-сание рефератов, а к последним двум сессиям — подготовка случаев на групповые супервизии. В каждую сессию вторая ее половина — терапевти-ческая группа. Что характерно, от группы к группе меняется повестка дня у слушателей, участников этих групп. Причем эта динамика повесток дня, ключевых жизненных проблем исходит именно из слушателей.. Если пер-вые группы — это практически для всех детско-родительские счеты, если к середине пути происходит кризис авторитетов, вслед за чем выясняются межполовые отношения, то ближе к концу пути в базовом курсе для слуша-телей актуальной становится самоидентификация : мужественность, женст-венность, родительственность, сыновность, дочерность и т.д. Это как приз-мы, сквозь которые к слушателям реально пробиваются реальные экзистен-циальные темы их собственной жизни. Эта неспешность важна еще и пото-му, что, порой, именно в таком ритме становится возможным вызревание само-сознавания своей жизни, при котором через два года, скажем, стано-вится голос для того, чтобы говорить о том, о чем вначале говорить было невозможно, хотя бы уже потому, что для всплывания темы из глубины к поверхности, к голосу, требуется прожитое и пережитое время и пройден-ный путь.

Еще при начале набора в Институт мы приняли решение о том, что чем большее разнообразие будут представлять собой слушатели, чем большая полнота жизни будет представлена у нас, чем больше мы будем уподоб-ляться Ноеву ковчегу, тем легче будет слушателям осваивать экзистенци-альный подход. И мы пошли на то, чтобы в группе девятнадцатилетние со-седствовали с пятидесятипятилетними, чтобы рядом оказались молодой врач, школьный психолог, беженец, бродящий по миру в поисках правды,

сапожник, портниха, преуспевающий бизнесмен, электросварщик, вузов-ский преподаватель психологии, журналист, домохозяйка — жена нового русского, рантье, парапсихолог-целитель, эзотерический учитель и т.д. Это оправдало себя хотя бы уже в том смысле, что в отношениях было больше человеческого и меньше профессионального.

В свое время мы пошли на то, чтобы не набирать второй, третий и т.д. наборы в Институт, пытаясь удерживать при этом тех, кто порывается уйти из Института, а создать такую систему обучения, при которой бы вместе учились и те, для кого эта сессия восьмая и те, для кого пятая, и те, для кого третья, и новички. Для этого пришлось отказаться от иерархически постро-енной образовательной системы, предполагающей освоение материала по лестнице — от простого к сложному — и к еще более сложному. Курсы у нас стали представлять собой относительно независимые модули, которые в принципе можно осваивать в любом порядке. Получается больше разнообразия, больше жизни, больше вариабельности, больше незавершенности, незакрытости, больше надежд, ожиданий.

Чего нам хотелось бы достичь — так это того, чтобы экзистенциальное образование и строилось экзистенциально.

Мы понимаем экзистенциальное образование как расширения возмож-ностей слушателей переживать, понимать, осмысливать свою жизнь именно как свою, единственную и неповторимую. Соответственно, ценность уни-кальности каждого индивидуального бытия, ценность свободы, ценность самоопределения. Отсюда — ненавязывание Институтом себя слушателям, приветствование любых индивидуальных выборов, в том числе и выборов ухода из Института, не осуждение, а приветствование этого, большие раз-рывы между учебными сессиями, приветствование любых форм самоорга-низации, возникающих между отдельными слушателями в межсессионный период одновременно с минимизацией общих и обязательных для всех форм организации, устраиваемых Институтом.

Самоопределение, ценность которого нам представляется столь высо-кой в экзистенциальном образовании понимается нами примерно в том смысле, в котором о нем говорит Достоевский в Легенде о Великом Инкви-зиторе, когда именно на человеческое само-определение со всеми его тяго-тами ополчается Великий Инквизитор. Это открытие человеком инстанции правильного (в христианстве — это ветхо — и новозаветные заповеди) и претерпевание всех коллизий попыток жизни в соотнесении с «правиль-ным», какие бы вихри бытия, какая бы собственная немощность от них не отбрасывала.

Самоопределяться — это определяться со своими взглядами, убежде-ниями, со своими смыслами и ценностями, которые принимаешь и которые реализуешь или не реализуешь, со своим прошлым, настоящим и будущим. Самоопределяться — это и определяться, как быть с приоткрывающимся несоответствием самому себе.

В одной из написанных у нас работ были такие строки: «И у каждого свой путь. Мы

не можем прожить жизнь за детей, за своих близких. Мы не можем покаяться за другого, нам дано другое — быть рядом, совместно быть. Мы можем подпереть, протянуть руку помощи, сражаться плечом к плечу или спиной к спине, молиться за другого, заботиться о другом, про-сить за другого. Мы можем выступить в качестве собеседников, мы можем через свою совместность помочь другому что-то решить — мы не можем решить за него».

В этом смысле для того Института, который сейчас произрастает в Ростове, но, более, для того, контуры которого только обозначаются, — близок Сократ как отец именно маевтики, не навязывающий свои религиозные и философские конструкции, но помогающий рождению собственного творческого сознания.

Мы пониманием экзистенциальное образование и как расширения воз-можностей слушателей переживать, понимать, осмысливать чужую жизнь, с которой они соприкасаются, как единственную и неповторимую, сопереживать чужим трудностям, быть придавленным чужим горем, болеть болезнями больного, быть в ужасе от собственной немощности, от невозможности, от неумения помочь, мы понимаем экзистенциальное образование как расширение возможностей быть благодарным, возможностей радоваться чужим радостям, возможностей быть-вместе. В этом смысле Институту близок митр. Антоний Сурожский, близок доктор Алексейчик, близок Достоевский с его умирающим мальчиком («Братья Карамазовы», книга десятая) болезнь и смерть которого, процесс сопереживания и заботы о котором, — сделали живыми и здоровыми множество окружающих.

Таким образом, сложившийся на сегодня у нас базовой уровень образования в области экзистенциального консультирования представляет собой, в первую очередь, работу по самоопределению, освоение привычки осмысления своей жизни, работы над собой, принятие ценностей преображения и поиск путей преображения, расширения возможностей слушателей переживать, понимать, осмысливать чужую жизнь, расширение горизонтов собственного бытия и бытия-вместе; и только во вторую очередь — расширение эрудиции в области экзистенциализма, освоение языка экзистенциалов, экзистенциальных измерений бытия или экзи-стенциальных тем; супервизии в качестве супервизоров и супервизируемых.

Наши слушатели вовсе не обязательно становятся экзистенциальными консультантами, более того, весь неспешный процесс пребывания в Инсти-туте, не обещающем никаких методик и техник, но подталкивающий всерь-ез задумываться над своей жизнью, как бы испытывает слушателя. Немно-гие это испытание выдерживают. Если в Институт поступает, скажем, са-пожник, то это вовсе не означает, что он окончит Институт и, оставаясь сапожником, займется экзистенциальным консультированием. Из двух са-пожников, учившихся в Институте, один, после двух с половиной лет учебы, несмотря на феноменальные дарования, проявлявшие себя в супервизиях и других практических работах, решил не искушать судьбу, успокоиться, и на свой хлеб с маслом деньги зарабатывать в обозримое время сапожниче-ством; другой же, после некоторого времени метаний, по прохождению 8 сессий, начал менять профессию, сейчас он — исполнительный директор конфликтологической ассоциации, швея приняла решение

родить ребенка и остаться швеей, а штукатур поступила в Святотихоновский богословский Институт и продолжила свой путь в экзистенциальное консультирование. Таким образом, итог базового образовательного уровня в Институте — не масса, не поток специалистов, а единицы, сознательно избравшие себе удел экзистенциального консультанта. Для них предназначен второй уровень, на котором для слушателей организуется образовательный процесс, соответствующий требованиям Европейского сертификата по психотерапии.

Мы считаем, что экзистенциальный подход требует культуросообраз-ности, и идем по пути выращивания учебного и исследовательского заведе-ния, развертывающего экзистенциальный праксис, соответствующий нашей культуре.